

*Посвящается моим внукам
Неле, Давиду и Винсенту*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очень часто сказки оказываются в центре внимания в сновидениях взрослых, что обусловлено той важной ролью, которую они играют в душевной жизни детей. Обычно сказки занимают большое место во внутреннем мире маленьких детей: ребенок привносит сказочные мотивы в свои игры и фантазии, разыгрывает сказочные истории со своими друзьями или с куклами. Дети могут идентифицировать себя со сказочными персонажами, они видят себя то героем, убивающим дракона, то простаком, который демонстрирует превосходство над своими умными братьями, остающимися в конце концов в дураках. Ребенок может также отождествлять себя с Золушкой, сначала страдающей от несправедливости злых сестер, но под конец торжествующей над ними; или с красавицей, помогающей чудовищу вернуть себе человеческий облик и спасающей при этом своего отца, по заслугам достается и злым сестрам. И найдется ли ребенок, – даже если он не отождествляет себя с Гензелем или Гретель, – который не радуется, когда брат и сестра одерживают победу над ведьмой, а на Рождество не грызет пряничный домик, символ победы, одержанной детьми над страшной злой ведьмой?

Фантазии, основанные на сказках, являются чрезвычайно важной частью душевной жизни детей не в последнюю очередь оттого, что описываемые в них угрожающие ситуации так напоминают основные страхи маленького ребенка – например, страх потеряться, поступить дурно, подвергнуться унижению или опасности, исходящей от чудовищ или злых зверей. Счастливый финал, всегда присутствующий сказке, дает детям уверенность в том, что, несмотря на все свои страхи, в конце концов они смогут одержать победу. Такое знание помогает ребенку подготовиться к

жизненным трудностям и испытаниям, независимо от того, будут ли они реальными или лишь воображаемыми.

Зная о важном значении сказки для внутреннего мира ребенка, легко понять, почему сказочные мотивы играют такую важную роль не только в сознании взрослых людей, но и в значительно большей степени – в их бессознательном, так как, став взрослыми, они часто полагают, будто давно забыли сказки и их привлекательность в глазах детей.

Чрезвычайно интересная книга Ханса Дикманна вносит важный вклад в данную область: автор впервые показывает, каким образом многие люди следуют в своей жизни сказочным сюжетам. Многочисленные случаи, описанные в этой книге, ясно показывают, каким образом можно проследить глубочайшие связи между любимой сказкой ребенка и его позднейшей судьбой; сказочные мотивы оказываются решающими для формирования личности как в положительном, так и в отрицательном смысле. Эти мотивы так сильно влияют на самооценку и мировоззрение, что часто люди – как правило, сами того не замечая – разыгрывают эти мотивы в своей жизни. В своей книге автор показывает, как сказка может влиять на поведение взрослых и на их психическую жизнь.

Будучи психоаналитиком юнгианской школы, Ханс Дикманн интерпретирует сказки главным образом в юнгианском ключе, однако столь же адекватно их можно было бы интерпретировать, исходя из представлений Фрейда. Главное заключается в том, что автор показывает решающую роль, которую любимая детская сказка может играть в жизни взрослого человека, независимо от того, очевидна для него эта роль, или нет. Автор показывает, каким образом можно использовать такое влияние для излечения патологического процесса. Однако значение сказки в жизни человека значительно глубже и служит она более широким позитивным целям, что и констатирует Ханс Дикманн, за-

вершая свою книгу: «Мудрости же достигает лишь тот, кто столь же глубоко постиг темную сторону человеческого».

Свою статью, опубликованную в 1913 году и посвященную сказочным мотивам в сновидениях, Фрейд начал с установления того, что из всех достижений психоанализа едва ли что-то имеет большее значение, чем выяснение роли сказок в душевной жизни детей. Дальнейшие наблюдения позволили ему обнаружить, что у некоторых взрослых любимая детская сказка заняла место реального детского воспоминания. В подобных случаях сказочная история становится покровом, за которым скрываются более значимые для пациента события.

Фрейд также заметил, что нередко в сновидениях взрослых внезапно всплывают почерпнутые из сказок образы и ситуации. При толковании этих сновидений каждый раз вспоминаются и другие фрагменты сказок, связанные с первыми, и благодаря этому можно не только лучше понять сновидение, но и установить, почему именно эта сказка имела для сновидца особое значение. В качестве иллюстрации Фрейд описывает те разнообразные роли, которые играли некоторые сказки братьев Гримм в процессе анализа двух его пациентов. В одном случае это была история о Домовом, а в другом сочетались элементы двух сказок – «Волк и семеро козлят» и «Красная шапочка». В последнем случае пациент получил прозвище «Человек-волк», выбранное Фрейдом из-за особого отношения анализируемого к этой сказке.

Сказки столь важны потому, что они могут помочь нам справиться с нашими темными сторонами, – на извилистых путях, подобных тем, которыми идут некоторые из пациентов, чьи случаи представлены в этой книге. С их помощью можно направить в позитивное русло и нашу собственную жизнь.

Однажды во время моего преподавания на психологическом факультете университета я попросил студентов вспом-

нить сказку, которая в детстве была для них самой важной; хотя это задание служило моим собственным целям, но я считал его не лишенным смысла и для молодых людей. От них требовалось сначала описать свои истории такими, какими они им вспомнятся, а потом подумать, почему, по их мнению, именно эта сказка имела для них столь важное значение. Почти все студенты смогли вспомнить по крайней мере одну сказку, а большинство высказалось и по поводу того, каким образом эта сказка смогла повлиять на их фантазию.

После того, как студенты выполнили мое задание, я попросил их перечитать соответствующую сказку и написать сочинение, посвященное тому, каким изменениям она подверглась в их воспоминаниях: они должны были объяснить, почему сказка оказалась в их памяти искаженной и что можно было бы сказать о ее значении для них в прошлом, а возможно, и в настоящем. Выяснилось, что все эти очень интеллигентные молодые люди сначала были убеждены, будто они точно запомнили первоначальную версию сказки. Для них было весьма поучительно обнаружить, какой сильной трансформации подверглось сказочное повествование в их памяти. Сказки, в том виде, как их вспоминали студенты, не только заметно отличались от оригинала, но часто оказывались комбинациями из двух или большего числа сказок. Иногда в центре их воспоминаний оказывались второстепенные персонажи или обстоятельства, а бывало, что важные детали получали иной, часто противоположный смысл.

Когда после этого студенты высказали свои предположения о том, почему они вспоминали сказки в столь искаженном виде, для некоторых из них стала вполне ясной причина, по которой именно эта сказка оказалась для них столь важной, другие же смогли приблизиться к такому пониманию. Кроме того, часто они замечали, что именно благодаря их личным изменениям сказка оказывалась для них столь значимой. Лишь в такой искаженной форме она

могла помочь им приблизиться к угнетавшей их проблеме или предложить искомый выход из затруднительной ситуации. Именно поэтому сказка могла сохраниться в их памяти и не утратить своего значения в последующей жизни.

В ответ на требование вспомнить свою любимую детскую сказку одна из студенток, обычная двадцатипятилетняя женщина, хорошо справлявшаяся со своими жизненными проблемами, написала полемическое сочинение, направленное против того, что в сказке братьев Гримм «Гензель и Гретель» воспринималось ею как мужской шовинизм. В детстве эта сказка произвела на нее очень сильное впечатление, и при мысли о ней, что случалось достаточно часто, студентка до сих пор впадала в ярость. В своей работе она объясняла свое возмущение этой широко известной сказкой тем, что описанная там девочка выглядит жалким придатком своего брата, не имеющим собственного мнения и выполняющим все приказы брата. В ее воспоминаниях Гензель всегда доминировал и во всем превосходил Гретель, все в сказке совершал он: сначала он рассыпал гальку и хлебные крошки, чтобы дети смогли найти дорогу домой, а под конец своим мужественным поступком спасал себя и сестру, затолкав ведьму в печь, где та сгорела. Все поступки совершал Гензель, в то время как Гретель покорно сидела, запертая в каморке, ничего не предпринимая для своего спасения.

Сказка о Гензеле и Гретель стала чрезвычайно важной для этой женщины и всегда оставалась таковой, потому что во многих отношениях это была история *ее* собственной жизни, где полностью доминировал ее старший брат. Эта сказка сердила ее, потому что в ней подразумевалось, что, будучи одна, девочка ни на что не способна, и под влиянием этой сказки студентка согласилась на пассивную роль, которую и продолжала играть в жизни. В конце своего сочинения она писала, что даже сейчас, незадолго до окончания своего обучения, она вынуждена допускать,

чтобы ее брат, работавший совсем в другой области, решал, на какую должность ей следует претендовать. Она считала сказку в большой степени ответственной за свое зависимое положение, потому что полагала, что в ней девочкам внушается, будто их участь – это подчинение старшим братьям или вообще мужчинам.

После того, как она последовала моему совету перечитать сказку, эта женщина была ошеломлена, когда вынуждена была убедиться, что, в полном противоречии с ее отчетливыми воспоминаниями, именно Гретель была той, кто втолкнул в печь ведьму и тем самым спас себя и брата, беспомощно сидевшего в своей каморке. Студентка была уверена, что в детстве она знала только ту сказку, которую вспоминала все последующие годы, ту историю, которая всегда приводила ее в ярость. Она была убеждена в том, что должна существовать та версия «Гензеля и Гретель», которую знала *она*, и целыми днями искала во всевозможных библиотеках свою сказку, расспрашивая своих друзей и авторитетных лиц в надежде найти кого-нибудь, кто знал бы эту версию.

Наконец ей стало ясно, что она сама была той, кто всегда хотел видеть себя в роли бедной Гретель, Гретель, беспомощно сидевшей в каморке, пассивно ожидая конца, который наступил бы, если бы Гензель не затолкал ведьму в печь, освободив обоих детей, и за этот героический поступок Гретель обязана ему вечным послушанием. Осознание этого факта было для студентки чрезвычайно важным, и она приложила много усилий, чтобы понять, почему она в своих воспоминаниях так исказила эту сказку и никогда не смогла бы от этого искажения отказаться.

С изумлением она обнаружила, что ключ к глубокому пониманию того, почему она приписывала сжигание ведьмы Гензелю, находится в некоем травматическом переживании ее юности. Когда эта студентка была еще юной девушкой, их мать – верующая католичка – внезапно умерла. Ее брат был в это время за границей и не мог приехать на похоро-

ны. Когда девушка говорила с ним по телефону о том, каким образом похоронить мать, брат предложил кремацию. Хотя это было только предложение, и девушка шала, что желанием матери было быть погребенной в земле, она увидела в этом, как и во всех других предложениях своего брата, приказ, которому должна была следовать, и выполнила все приготовления для кремации матери. Но следствием этого было сильное чувство вины, и в своем бессознательном она нашла способ освободиться от вины за действия, направленные против воли матери. После этого она убедила себя в том, что, если человека сжигают, то ответственен за это кто-то другой, и изменила для себя сказку о Гензеле и Гретель таким образом, чтобы тем, кто сжигает старуху, оказался брат.

Когда студентке, наконец, стало ясно, каким образом и почему она исказила эту важную для нее историю, она поняла, почему столь же искаженными воспринимались ею и отношения с братом. Ее брат совсем не принуждал ее поступать всегда так, как хотел он, напротив, это она сама была той, кто полностью подчинил ему себя. Чтобы избежать чувства вины, ей необходимо было поверить, что это ее брат был ответственен за сожжение, и видеть в нем своего бога и господина, который принимает за нее решения, так что ей никогда не надо брать на себя ответственность за свои поступки и испытывать из-за них чувство вины.

Как это часто бывает у детей с их любимыми сказками, история о Гензеле и Гретель, хотя и в искаженной форме, однако сослужила студентке хорошую службу. Сказка предоставила ей право играть в жизни пассивную роль, правда, она часто неважно чувствовала себя в этой роли, но зато получала полное освобождение от чувства вины. Эта студентка играла роль Гретель *таким образом, как она ее видела*, и тем самым не только позволяла брату взять ее жизнь в свои руки, но и принуждала его так поступать. Но из-за этого оказалось, что никакие ее достижения, в том числе успехи в колледже и университете, не могли дать ей

подлинного удовлетворения. То, что она делала, никогда не позволяло ей ощутить себя независимым человеком, потому что она всегда чувствовала себя безнадежно стоящей в тени своего брата. Она видела себя «жертвой».

Теперь студентка поняла, что сама поставила себя в зависимое положение, точно так же, как в сказке дала такую роль Гретель. После того, как все это стало для нее ясным и она написала второе сочинение, она позвонила своему брату, сообщив ему, что собирается добиваться другого места, а не того, которое он ей предлагал. И тогда он объявил ей о том, каким это будет для него облегчением, а также о том, какой тягостной была для него постоянная зависимость от него сестры.

Я привел этот пример для того, чтобы показать, каким образом переживание основного события любимой детской сказки может послужить позитивной цели. Сказка о Гензеле и Гретель, в том виде, как ее запомнила студентка, служила ей оправданием для того, чтобы жить в постоянной зависимости от старшего, доминирующего брата, а негодование против этой истории и против мужского шовинизма помогало ей сохранять свое душевное здоровье. Несколько лет спустя я смог узнать от этой молодой женщины, что ее жизнь действительно изменилась. Но и теперь сказка не утратила для нее своей важности, поддерживая ее в дальнейшей жизни уже в своем подлинном виде. Всегда, когда она теряла мужество, она звала на помощь воспоминание о том, что она могла бы кое-что предпринять, в точности как Гретель, которой удалось спасти себя и своего брата. Итак, ее сказка о Гензеле и Гретель обрела счастливый конец. И это касается также случаев, о которых рассказывает Ханс Дикманн, ведь благодаря своему глубокому пониманию значения, которое имеет любимая детская сказка, ему удавалось вылечить многих пациентов.

Бруно Беттельхейм

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

«Fatum suum habeant libelli!» – «Книги имеют свою судьбу!». Так гласит старая латинская поговорка, справедливая и для данной книги. Когда она впервые вышла в свет в 1967 году, это было маленькое карманного формата издание, состоявшее всего из четырех глав. Это было время, не слишком подходящее для сказок, и я по сей день благодарен издательству Bonz-Verlag, которое тогда ее издало, тем более что в то время это была моя первая книга, а сам я был молодым, никому не известным аналитиком. Аналитики школы К.Г. Юнга в то время были в Германии очень изолированы и едва принимались в расчет, так что мое научное направление тоже было несвоевременным. Мои первые наблюдения и исследования любимых детских сказок, включая их отношение к неврозам, были в то время столь незначительны, что я посвятил им только краткую главу.

Подобно многим другим вещам сказки переживают разное к себе отношение: бывают времена, когда ими пренебрегают и стремятся изгнать из детских комнат. Это относится не только ко времени после второй мировой войны: уже в тринадцатом веке Р. Бэкон вел кампанию против фантазии, а также против всего иррационального и интуитивного. Подобный феномен мы пережили в конце прошлого века, когда Вильгельму Гауфу пришлось предпослать своим сказкам притчу, которая в нашей книге подробно описана. Сегодня вновь все изменилось, и сказки всех народов пользуются растущей любовью, что становится заметным и в психоанализе. В одной этой области уже появилось столько публикаций, посвященных сказкам и их интерпретациям, что едва ли можно получить о них полное представление.

Вернемся, однако, к нашей книге. Хотя она раскупалась вполне успешно, но после трех изданий Bonz-Verlag не захотело еще раз рисковать, и тогда я перешел в издательство Gersteberg-Verlag, открывшее новый психологический отдел. Я благодарен этому издательству, давшему мне возможность переработать текст, изменив его и значительно расширив. На месте кратких замечаний о любимых детских сказках теперь оказались большие главы, в том числе подробная интерпретация немецкой сказки о Гензеле и Гретель, относящаяся к тем шагам развития ребенка, которые в детстве релевантны и могут быть выражены и поддержаны сказочной символикой. Книга получила теперь новое название «Сказание и иносказание в волшебных сказках» и скоро стала известна за границей. Последовали переводы на английский, португальский и испанский языки. К сожалению, после того как в 1983 году вышло второе издание, Gersteberg-Verlag закрыло свой психологический отдел, и я обязан Kreuz Verlag тем, что оно проявило готовность издать книгу еще раз, не позволив ей исчезнуть с рынка.

В этом новом издании переведено и опубликовано очень интересное предисловие, которое Бруно Беттельхейм, к сожалению, ныне покойный, написал для американского издания. Кроме того, я еще раз переработал книгу и включил главу о «Короле Дроздобороде». Во второй главе обстоятельнее, чем в первоначальном тексте, терапевтический подход к любимым сказкам трактуется в рамках аналитической практики.

В целом в этой книге содержится опыт почти тридцатилетней аналитической работы, в процессе которой сказки всегда играли большую роль. Конечно, эти два феномена, моя аналитическая практика и сказка, взаимосвязаны, и аналитик, который, в отличие от меня, меньше интересуется сказками, едва ли найдет столько сказочных примеров в сновидениях и фантазиях своих пациентов. Но в качестве

аналитика, экзаменующего кандидатов на диплом, представляющих другие научные направления, я обнаружил, что эти сказочные мотивы постоянно всплывают в сновидениях пациентов, а также убедился, насколько важно их учитывать. Ведь не сумев задать правильных вопросов, можно, подобно Парсифалю, утратить Грааль.

Лично меня сказки и мифы сопровождают с самого раннего детства, когда я слушал их, уютно устроившись на коленях у своей бабушки. Потом я рассказывал их своим детям и внукам, чьи горящие глаза и всегдашняя готовность снова и снова слушать знакомые истории не только показывали, какое глубокое впечатление они производят на детские души, но помогали мне понять, насколько полны они глубокой мудрости и значения.

Хотя эта книга отчасти предназначена для дилетантов, интересующихся данной темой, но она может оказаться полезной в качестве первого кратко и просто изложенного исследования и для врачей или психологов, практикующих психоанализ. Она дает наглядное представление о том, в какой форме материал сказок всплывает во время аналитической практики и каким образом в ходе терапии он может быть плодотворно переработан в интересах пациента, будь это ребенок или взрослый.

Я приношу свою особую благодарность в первую очередь моей жене, чью поддержку я ощущал на всем протяжении своей работы. Такой же благодарности заслуживает живая фантазия моих детей и внуков, а также моих пациентов и студентов, чей материал, с их согласия, я получил возможность здесь использовать. Само собой разумеется, что все истории пациентов были изменены таким образом, чтобы та или иная из них не могла быть узнана.

И, наконец, я благодарен издательству Kreuz Verlag, взявшему на себя смелость переиздать эту первую книгу, которая специально посвящена терапии с помощью сказок, хотя в период между этим и предыдущими ее издани-

ями на рынке появилось много подобных исследований. Сегодня понятие «любимой детской сказки» (Lieblingsmärchen der Kindheit), куда может относиться и страшная детская сказка, является почти стандартом аналитика, и мало кто помнит, что в 1967 году я предпринял первую публикацию на эту тему.

В заключение я хотел бы поблагодарить мою секретаршу Ингрид Виганг, постоянно помогавшую мне во время многочисленных переработок и переизданий этой книги и выполнившую большую канцелярскую работу.

СКАЗКА И СНОВИДЕНИЕ

В известном собрании индийских сказок есть одна история, действие в которой начинается с того, что каждый день в приемных покоях раджи появлялся волшебник и вручал ему яблоко, которое тот каждый раз небрежно передавал своему визирю, визирь, в свою очередь, приказывал бросить яблоко в дальнюю кладовую. Так продолжалось целый год, пока, наконец, однажды павиан супруги раджи, оказавшийся без присмотра, не ворвался в приемные покои, схватил яблоко и тут же надкусил его. Когда он это сделал, все с удивлением обнаружили, что внутри яблока вместо семечек оказался прекрасный драгоценный камень. Тут раджа, конечно, немедленно приказал проверить в кладовой прежние яблоки. Действительно, под кучей сгнивших фруктов нашлась горка бесценных драгоценных камней, число которых точно соответствовало числу дней года.

Подобным образом дело обстоит и со сказками. Став взрослыми, мы отбрасываем их как ни на что не годные. «Всего лишь сказка». Так мы говорим и отправляем ее гнить в какой-нибудь дальней кладовой. До тех пор, пока однажды, быть может, не наступит случай, будь то тяжелая душевная болезнь или жизненный кризис, когда мы бываем вынуждены заглянуть туда, где они, можно сказать, гниют, потому что в течение многих лет мы не заботились о содержании кладовой. Когда Фрейд начал заниматься бессознательными фантазиями, он предпослал своей книге «Толкование сновидений» эпиграф: «*Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo*» («Так как я не могу склониться перед богами, то буду поклоняться подземному миру»). В нашем подземном мире мы часто находим скрытыми под фантазиями драгоценные камни глубокой мудрости,

а также символы и мотивы не только сказок нашего собственного детства, но и всего человечества.

Толкование сказок и мифов с точки зрения глубинной психологии оказывается необходимым прежде всего при обращении к неврозам. Общеизвестно, что при лечении душевнобольных важнейшим фактором являются сны и их толкование врачом. Еще Фрейд видел, что в своей основе сказки и мифы не отличаются от сновидений и используют сходный язык символов. В сновидениях наших пациентов постоянно всплывает материал мифов и заставляет нас искать путь к его пониманию. И тогда в поисках этого пути прежде всего приходят на помощь работы К.Г. Юнга и его школы. Но таким же, как и сновидение, универсальным человеческим феноменом, который одинаково присущ как больным, так и здоровым, являются миф и сказка. Понимание их символики у душевнобольного, застрявшего на определенном этапе развития и не видящего решения стоящих перед ним проблем, одновременно открывает путь к осмыслению всеобщего языка мифологии. Человек, страдающий неврозом, не отличается от других своими проблемами, трудности и проблемы у него те же, что и у других. Он отличается от здоровых только тем, что, в силу тех или иных внутренних и внешних обстоятельств, не в состоянии решить их сам.

Эта книга написана, исходя скорее из интереса к великолепным, красочным, многогранным фантазиям сказок, которые в течение многих столетий все вновь и вновь воспроизводят коллективное бессознательное человечества, нежели основываются на строго упорядоченных и отстраненных методах рациональной науки. С тех пор, как маленьким мальчиком в доме своей бабушки я впервые прикоснулся к сказкам, их пластичная образная сила и глубокая мудрость никогда больше не покидали меня. Они ожили вновь, когда я начал рассказывать их своим детям, и наконец вновь нашел я этих любимцев нашего детства

в бессознательном многих своих пациентов и пациенток, когда стал психоаналитиком. Часто они оказывались давно исчезнувшими из сознания пациентов, но продолжали жить там, внизу, в их бессознательном. В снах сказочные мотивы всплывали вновь и говорили этим людям много удивительных вещей, на которые те никогда не обращали внимания, мимо которых всегда пробегали и которые теперь впервые представляли в качестве драгоценного содержания их души. Они часто дарили им те знания, которые могли вернуть краски и живость их пустому, скучному и бесплодному существованию.

Мне гораздо больше недоставало бы того языка, на котором сказка и миф обращаются к нам из нашего собственного бессознательного, чем любой рациональной научной теории. Они дали мне бесконечно много в качестве инструмента лечения моих душевнобольных пациентов, и нередко сказка и то знание, которое мы извлекали из ее глубокого толкования, становились ядром лечения. В главе о любимой детской сказке я это показываю особенно ясно. Последнее и глубочайшее, что происходит при такой встрече врача и пациента, описать невозможно. Оно остается невыразимым, единственным и неповторимым в каждой конкретной ситуации. Оказалось, что точно представляющая проблему пациента нужная история в нужном месте и в нужное время позволяет навести мост от человека к человеку, и это относится к наиболее глубоким впечатлениям, полученным в ходе моего профессионального опыта.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

«Однажды...» (Es war einmal), – так начинается у нас большинство сказок, и затем они уводят нас назад, в далекие, давно прошедшие времена, когда случались удивительные вещи – невозможные с позиции рационального рассудка, – когда существовали чудовища и колдуньи, феи и волшебники или говорящие звери. Это мир, полный чудес, в котором свинопас становится королем, золушка – принцессой, где можно найти живую воду, лампу, с помощью которой становятся доступны все земные сокровища, кольцо, дающее господство над всем миром, или коня, умеющего летать. Едва ли среди нас найдется кто-то такой, кто не выросал бы с этими историями, для кого они не были бы первым ранним переживанием встречи с фантастическими творениями нашей культуры.

Насколько в детстве мы были привязаны к этим историям, слушали и читали их вновь и вновь, настолько позднее, как правило, мы отстраняем их, как не стоящие внимания. Словам «всего лишь сказка» часто придается негативное значение выдумки или даже обмана. Едва ли взрослый мог бы сегодня найти в себе покой и интерес шаха Шахрияра, чтобы слушать тысячу и одну ночь истории Шехерезады, хотя, кажется, тому это было очень по душе; однако, почувствовав, что он утратил любовь, доверие и связь с людьми, человек вновь, быть может, найдет их на этом пути. «О, шах! Эта легенда полна тайного значения, понятного только посвященным», – так говорит Шехерезада, заканчивая одну из своих сказок. Но мы уже ничего не знаем о таких вещах, или разве что самую малость.

И в нашей жизни, в нашей действительности есть это «однажды...». Каждый из нас пережил время, когда почти

каждый день происходили новые и удивительные вещи. Если только мы представим себе, что все, для взрослого само собой разумеющееся и очевидное, когда-то давно, в бытность его ребенком, должно было быть впервые открыто, и какое бессчетное количество таких приобретений было совершено в детстве – то все это и есть «чудесные события». Едва ли кто-то из нас может вновь вернуть то ощущение, которое у него было, когда он делал свои первые шаги, но многие еще помнят, что они ощутили, когда впервые смогли поплыть или поехать на велосипеде. Всегда, когда человек открывает что-то новое, осваивает что-то такое, что до тех пор было неизвестным или невозможным, происходит нечто подобное переходу сказочного героя из мира повседневности в волшебное, неизведанное, магическое царство, которое нужно освободить или в котором можно добыть сокровище, благодаря которому повысится ценность повседневного существования. Ведьмы и чудовища – это наши собственные страхи и неудачи, звери-помощники и феи – еще неведомые нам способности и возможности, которые могут проявиться у нас в таких ситуациях. И тогда в иной плоскости осуществляется то, что в сказке является образом или фантазией.

При здоровом течении жизни способность к постоянному обретению и творению нового, настолько характерная для детей, что их вполне можно считать в известном смысле гениальными, эта способность никогда не исчезает полностью. Если мы окончательно не закоснели в своей рутине, что, к сожалению, часто случается, то сказка вновь и вновь переживается нами, и «чудесным» в нашей жизни оказывается все новое и до тех пор неведомое. В жизни каждого человека существуют основные этапы, на которых происходят одни и те же процессы: каждый человек после фазы младенческой зависимости от матери переживает освобождение и стремление к самостоятельности во время так называемого периода упрямства; а также пробуждение сек-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru